

«НЕВОЗМОЖНО ПРИЯТНО ЖИТЬ ЧУЖОЙ ЖИЗНЬЮ»

Полусирин, улыбка, очарование, признание — «Ангист». Так появляется Ангист из «Дансинга» в спектакле «Перехватывает Ангист от соперничества истеричного счастья, когда Ангист кружит и кружит Ангиста, и вместе с ней кружится густое, теплое золото Аминных волос».

В восемь лет она пошла в хореографическое училище. Вероятно, это и наложило своеобразный отпечаток на ее внешность, сделало ее движения легкими, пластичными, грациозными. Но Учиниче вскоре пришлось оставить: помошала болезнью.

— А в художественной самостоятельности я никогда не выступала, меня не призывали к ней без нужды. Она светится, удивляется, и сердится на себя за удивление.

— В театре Ленинского комсомола мы всего полтора года. Я больше люблю играть женщин, потому что на неудовольствиях, несчастиях. Елена Ульянова рассказывает у меня через волюту. У Булгакова, помните, есть замечание: «Елена читала Бунина». Я стала читать Бунина ее глазами. Когда мне тискали, люблю читать Гиния, и мне становится легче. На тубочку и впрямую ласкал Гриневский томик, я поддвинулась и пошла, откуда у нее эти изумительные юные глаза.

Говорим о ее королеве из спектакля «Три мушкетера». Пленительная, тонкая шутка, словно вылинявшая из-под острого, беспощадно-едкого пера.

— Актеры, ведь, как дети. Нам мы радуемся каждому новому костюму, новым декорациям! Невозможно приятно жить чужой жизнью! Ведь вот я могу стать королевой, а вы — нет. Я могу быть завтра Ангист, а вы — нет.

Ее лицо светилось, вероятно, она была счастлива. Обои хочется сыграть в чеховских спектаклях. Оба любят играть настроение, мельчайшие оттенки чувств. Историю, дипломатическая работа у З. Романова — Трофимова в спектакле «Вишневый сад». У З. Романова театр начинался с книг, со спектаклей местного драматического театра в Серове, с того, что в старом сарае он мастерил декорации и киноаппарат.

Вообще-то он «проста», хотя играл и социальных героев, и роли комедийного плана, — добавляет Лейла.

Оба любят режиссуру М. Кнебеля, оба страстно хотят играть для «тихого» зрителя, для того зрителя, который бы уважал точечные нюансы, чувствовал и подчинился заданному настроению.

Оба в постоянном напряжении мыслей, образов, возникающих ассоциаций. И оба не представляют свою жизнь без театра, вне театра.

З. ГОФМАН

студентка Челябинского института культуры.

НА СНИМКАХ: сверху — сцена из спектакля «Два зима и три лета». В роли Лины Л. Киракосян, Бини — З. Романов, Александр — Алексей Турбин, В. Яковлев — Нина (спектакль «Два Турбины»).

Фото А. Колопенко

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ—ЦЕХ, СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА ПОЛЕВОЙ СТАН...

За месяц пребывания на гастролях в Челябинском артисты театра им. Ленинского комсомола провели целый ряд встреч с трудящимися города и области непосредственно на предприятиях, в совхозах, учреждениях.

Выступления на строительных площадках «Челяб-металлургстроя» в Челябинскостроитель, встреча с мастерами орденоносной шахты № 47 в Южеске, концерт у животноводов совхоза «Россия» и другие запомнятся не только зрителям, но и самим актерам-ленинградцам, которые с интересом знакомятся с Южным Уралом, его людьми, с его промышленностью и сельским хозяйством.

МОЛОДОСТЬ—НЕДОСТАТОК... МОЛОДОСТЬ—ДОСТОИНСТВО!

ИНТЕРВЬЮ

Заключаются гастроли театра. Почти месяц челябинцы смотрят и обсуждают его спектакли.

Одним кажется интересным срежиссерское воплощение романа Федора Абрамова «Два зима и три лета», другие считают, что роман этот очень туго поддается инсценировке, и особого успеха здесь ждать не приходится.

Часть зрителей, особенно самых юных, привлекали танцы и песни «Дансинга» в ставке Гитлера, другим, постарше, не хватало в этом перенасыщенном режиссерскими находками спектакле четкости мысли, определенности позиций театра... Кто-то напал в «Трех мушкетерах» прощесский взгляд взрослого человека на культуру, которая и детства была доминантным режиссерским грех, другие остались настолько верны своему прежнему взгляду на роман Дюма, что сочли переосмысление, предложенное театром, чуть ли не посягательством на высокую романику...

О театре спорят. Театр не оставляет равнодушным. И, наконец, зритель, побывавшему на нескольких спектаклях и уже составившему свое мнение о театре, будет интересно узнать, как оценивает работы своего коллегия главный режиссер театра имени Ленинского комсомола.

Поэтому интервью с Геннадием Опоковским началось, пожалуй, с несколько примитивнейшего вопроса.

— В чем вы видите достоинства и недостатки вашего театра?

— Корни в Достоинстве, в недостатках я вижу в молодости труппы...

Молодость — недостаток? Взлетающие в прыжке под потолок герои «Вестсайдской истории»... Мальчишки и девчонки в «Вызывающиеся свидетели» совсем не отличимые от тех, что занимают по вечерам скамейки у драмтеатра... А задор «Зимой песни», который только и возможен у очень молодых артистов...

— Молодость на сцене — недостаток?

— Да, — подтверждает свои мысли Опоков. — Недостаток. К сожалению, выпускники театральных вузов

более других подвержены эдакой инфантильности, которую почему-то принято считать для актера недостатком. Не хватает опыта, умения адаптироваться к жизни, делать свои выводы.

Не хватает первой простой человеческой мудрости, без которой актер оказывается беспомощным при встрече с тонкой и сложной драматургией, становится рабом режиссера (а что он может ему противопоставить?), публики (угодить, во что бы то ни стало), критики (также бы похвалили)...

И распахивается за все потерей индивидуальности. А кому интересен такой человек?

Да, пожалуй. Опоков здесь прав. И мы порой сочувствовали актерской робости в воплощении образа, который мог бы стать для нас более интересным, сумей это сделать актер.

— А есть пути для «повзросления» труппы?

— Да, конечно. Актер воспитывается драматургией. Если от роля к ролям актер не находит в драматургии больших мыслей, интересных поводов для поисков, наконец, если с литературной стороны материал беден, сер, то и актер постепенно мельчает как человек, отвыкает масштабно мыслить, становится менее активным творчески. И — наоборот. Большая драматургия возмывает до своих высот, вдохновляет.

Очевидно, сам Опоков очень строг к себе, режиссеру, в этом отношении. За время работы в Красноярском театре юного зрителя

и в Ленинградском им. Ленсоветов он ставил «Старшую сестру» Александра Володина, «Пассажирку» Зофи Пошмыш, «Жестокость» Павла Нилаина, «Сорок первый» по рассказу Бориса Лавренкова...

— Каким же драматургом вымерен обратиться театр в будущем?

— Прежде всего, обязательно будет в нашем репертуаре Чехов. Советскую литературу представил Михаил Булгаков, Юрий Тынянов, Виктор Розов, Александр Володин. Из зарубежных драматургов нам ближе Эдуардо де Филиппи, Сарамаха, Ануйа...

— Но творческая драматургия — это всегда сложная для специсского воплощения драматургия. Не помещает ли та самая актерская инфантильность, о которой мы говорили?

— Мы говорили о минусах молодой труппы. Но ведь молодость это и плюс, достоинство.

— Молодая труппа легче поддается воспитанию?

— Да, и это. Меньшая подверженность какому-то устойчивым правилам, канонам. Большая творческая подвижность. В молодой труппе режиссерам и актерам легче найти язык друг с другом.

— И с молодым зрителем? — Да, и с молодым зрителем. В них нет актерства, они свои в любой молодежной аудитории — рабочей, студенческой.

Это, наверное, почувствовал те, кто бывал на шефских концертах ленинградцев на заводах, на стройках, в совхозах. На этих встречах моментально устанавливается атмосфера взаимного интереса.

Гастроли подходят к концу. Мы познакомились с людьми коллективом. На все спектакли этого театра одинаково интересно, по-лучшее, что довелось нам увидеть, — залог успеха театра в поисках своего творческого лица, в его стремлении разговаривать с молодым зрителем серьезно, не делая скидок на его молодость, ни на свою.

Мы расстаемся с этим театром друзьями.

И. МОРГУЛЕС

Сегодня в творческом клубе «Жомсомольца» встреча с коллективом Ленинградского театра им. Ленинского комсомола.

